

— Я, конечно, понимаю, о чем ты, но теперь, когда у меня ничего не осталось, чего мне еще бояться?

Видя, что уговоры не действуют, Гао Чжань смягчил тон:

— А-Юй, я прошу тебя, подумай еще раз. Мы ведь уже не дети, а кроме того, два года назад... Ты сама лучше всех знаешь, в каком состоянии твое здоровье.

Он имел в виду, что после той операции ей будет крайне трудно забеременеть естественным путем.

— Об этом не беспокойся, — Гу Саньюй выдавила из себя улыбку. — Современная медицина ушла далеко вперед, способы найдутся.

— Если ты твердо решила, я больше ничего не могу сделать, — Гао Чжань помолчал. — Но, А-Юй, что бы ни случилось в будущем, я все же надеюсь, что ты не станешь меня ненавидеть.

— Даже если я не буду тебя ненавидеть, друзьями мы после этого уже не станем, — бросила Гу Саньюй, проходя мимо него.

Гао Чжань смотрел ей вслед, и на душе у него становилось все тяжелее.

6. Нежность Лу Чжэ

Лу Чжэ дожидался ее внизу. Он стоял неподалеку, поэтому слышал почти весь их разговор. Увидев идущую навстречу Гу Саньюй и заметив, как она измождена, он мягко произнес:

— Поднимайся и как следует отдохни.

Гу Саньюй кивнула:

— И ты возвращайся пораньше. Спасибо, что проводил.

Лу Чжэ улыбнулся:

— Не забывай голову лишними мыслями, завтра с утра на работу.

Гао Чжань не ушел. Он наблюдал, как Гу Саньюй разговаривала с Лу Чжэ, и, когда тот подошел ближе, невольно принялся изучать этого человека.

Он не знал Лу Чжэ, но было очевидно, что этот мужчина старше Гу Саньюй — лет тридцати. От него веяло спокойствием и уверенностью. На нем были строгие брюки, простая светлая рубашка и пальто. Он был чуть выше Гао Чжаня, с приятными чертами лица и безупречным

вкусом в одежде. Гао Чжань невольно проводил его взглядом, подмечая, как красиво развеваются полы его пальто при ходьбе.

Интересно, что их связывает? — в душе зародилось подозрение.

Лу Чжэ, поравнявшись с Гао Чжанем, равнодушно скользнул по нему взглядом. Вот он, человек, из-за которого Саньюй так страдает. Вот мужчина, который опередил его и завладел ею, заставив его думать, что всю жизнь придется лишь молча наблюдать за ней из темного уголка.

Объективно говоря, Гао Чжань был недурен собой, но в его облике не было той зрелой выдержки, которая сквозила в каждом движении Лу Чжэ.

Мужчины встретились взглядами. Лу Чжэ первым отвел глаза и слегка тронул губы усмешкой: — Благодарю.

Сказав это, он, не дожидаясь реакции Гао Чжэ, зашагал прочь.

Благодарю? Что это значит? Неужели А-Юй решилась на разрыв именно из-за него? Нет, вряд ли. Такие мужчины обычно выбирают красивых и нежных женщин, а Гу Саньюй совсем из другого теста... Гао Чжань обернулся и уставился на его удаляющуюся спину, погрузившись в пучину раздумий.

Тем временем Гу Саньюй поднялась на шестой этаж, открыла дверь, бросила сумку на диван, переобулась в тапочки и подошла к балкону. Она видела, как одинокая фигура Гао Чжэ постепенно удаляется.

Уличные фонари вытягивали его тень, он шел очень медленно. У самого выхода из жилого комплекса он обернулся. Заметив свет в окне квартиры Гу Саньюй и смутный силуэт на балконе, он понял, что это она. Может быть, в глубине души она все еще не хочет его отпускать?

Подождет еще. Он велел себе сохранять спокойствие. Он ставил на то, что пять лет отношений с А-Юй не так-то просто вычеркнуть из памяти. Пока есть чувства, у него остается шанс.

Гу Саньюй так и стояла, глядя ему вслед, и не знала, сколько времени прошло, пока холодный ветер не заставил ее чихнуть.

Она потрясла головой. Ноги затекли, и она решила набрать воды, чтобы попарить ступни.

Жизнь текла своим чередом, если не считать того, что теперь никто не будет справляться о ее делах. Она привыкла быть одна: одна ела, одна спала, одна жила. На первый взгляд уход Гао

Чжання никак на нее не повлиял.

Умывшись, она набрала полтаза воды. Повернувшись, она слишком поспешила и, наступив на лужу, которая успела натечь из раковины, не удержала равновесие. Она плашмя рухнула на пол, уронив таз — вода окатила ее с ног до головы. Одежда моментально промокла, таз отлетел в сторону, а пол оказался залит водой.

Падение было болезненным: сначала удар пришелся на руку, отчего та отозвалась жгучей болью, а левая нога подвернулась при попытке удержаться. Гу Саньюй охнула и лишь спустя несколько секунд смогла приподняться на руках. Рука, к счастью, была лишь оцарапана, тело ныло от ушибов, а из-за боли в ноге она никак не могла встать.

Платье липло к телу, вызывая неприятные ощущения, и Гу Саньюй наконец разрыдалась.

Обхватив себя за плечи, она лежала на холодном полу и плакала.

С того дня, как она своими глазами увидела Гао Чжання с Хань Яньшэн, и даже когда встретилась с ним лично, такая слабая и ранимая Гу Саньюй не проронила ни слезинки. Она твердила себе: не плачь. Раньше она могла уткнуться в материнские объятия и выплакаться вволю, но теперь этого теплого убежища больше не было.

Воспоминания нахлынули с новой силой, причиняя невыносимую боль. Чем сильнее была тоска, тем больше всплывало горьких моментов, и слезы покатились из глаз, как жемчужины.

Дзинь-дон. Раздался звонок в дверь.

Гу Саньюй, поглощенная своим горем, не обратила внимания.

Звонок не утихал. Гу Саньюй начала злиться.

Сначала она подумала, что кто-то ошибся дверью и можно не отвечать, но настойчивый треск раздражал все сильнее. Гнев закипал внутри. Что за псих? Даже поплакать спокойно не дают! Сейчас она откроет дверь, и неважно, кто там — она выскажет все, что накопило, чтобы хоть немного выпустить пар.

Опираясь на стены, она встала и, хромая, побрела к выходу. Распахнув дверь, она, не глядя, закричала:

— Псих, что ли! Посреди ночи ты...

Увидев, кто стоит на пороге, она осеклась.

Это был Лу Чжэ.

Лу Чжэ долго колебался, но решил вернуться и проверить ее. Он долго звонил, а когда уже собрался уходить, решив, что она спит, дверь внезапно распахнулась.

— Э-это... вы? — Гу Саньюй застыла. — Директор, вы почему здесь?

Она стояла перед ним босиком, с мокрыми от слез щеками и в насквозь промокшей одежде. Лу Чжэ нахмурился: неужели эта девчонка только с виду держится, а дома страдает до полусмерти?

— Простите, я думала, это какой-то пьяница, — она впустила его в квартиру.

Лу Чжэ заметил, что она хромает, и спросил:

— Что с ногой?

— Да так, хотела воды набрать, чтобы ноги попарить, да поскользнулась, — Гу Саньюй потрогала платье. — Вот, видите, и платье промокло, и лицо... Такая я неуклюжая.

Лу Чжэ сменил обувь и, не говоря ни слова, подхватил ее на руки.

— Где твоя спальня?

— А? — Гу Саньюй растерянно указала пальцем: — Вон та, слева.

Лу Чжэ уложил ее на кровать, открыл шкаф, достал хлопковое платье и сказал:

— Переоденься.

С этими словами он вышел и закрыл дверь.

Гу Саньюй не могла описать свои чувства. Она вытерла слезы и сменила мокрую одежду.

Еще при входе Лу Чжэ заметил на полке аптечку. Он достал ее, убедившись, что все необходимое на месте, и подошел к двери спальни. Постучал, дождался разрешения и вошел.

Он думал, что она просто подвернула ногу, но теперь, когда она была в платье без рукавов, он увидел ссадины на ее руках. При легком прикосновении Гу Саньюй вздрогнула, но не пикнула.

Не зная почему, она почувствовала себя виноватой под его строгим взглядом.

Лу Чжэ видел слезы, блесевшие в ее глазах, и в его душе смешались гнев и жалость. Он поставил аптечку на кровать, сходил в ванную за тазом с прохладной водой и, взяв полотенце, опустился перед ней на корточки. Аккуратно промыв ссадины, он прижег их спиртом.

Гу Саньюй чувствовала, как жжет кожу, но не смела издать ни звука. Ей казалось, что Лу Чжэ сердится, хотя она не понимала, на что именно.

— Ты сильно ушиблась, рука начала опухать. Подержишь компресс с холодной водой, а через сутки можно будет прикладывать теплое, — сказал Лу Чжэ. — Подними ногу, посмотрю.

Гу Саньюй застеснялась:

— Не надо, правда. Уже почти не болит.

— Слушайся, — Лу Чжэ сел рядом и бережно положил ее ногу себе на колени. Он слегка надавил: — Больно?

— Немного, — кивнула Гу Саньюй. — Но уже намного лучше, чем сначала.

Лу Чжэ смочил полотенце и приложил к ее лодыжке:

— Будь осторожнее. Такая взрослая, а умудрилась упасть в собственной квартире.

Гу Саньюй потерла руку. Жжение от ссадин утихало, но вокруг них действительно появился отек.

— Наверное, просто день такой неудачный. На самом деле ничего серьезного, посплю — и завтра как рукой снимет.

Через несколько минут Лу Чжэ достал из аптечки масло красного цветка и начал втирать его в ушиб, повторяя движения, пока лекарство не впиталось. Когда он поднял глаза, то увидел, что она пристально смотрит на него. Он не отвел взгляда:

— Чего смотришь?

— Да вот думаю, — Гу Саньюй потерла уставшие глаза, — директор обычно такой другой. Если бы другие увидели вас сейчас, у них бы глаза на лоб полезли.

— Обычно? — Лу Чжэ усмехнулся. — И какой же я обычно?

— Ну... — Гу Саньюй задумалась. — Очень строгий. Почти не улыбается. Мы не так много общались, поэтому в памяти вы остались человеком немногословным и холодным.

— А сейчас?

— А сейчас... — она замялась, — сейчас вы тоже строгий, но очень заботливый. — Она зевнула.
— Что-то я спать хочу.

Лу Чжэ убрал аптечку, поправил ее, укрыл одеялом и сказал:

— Раз хочешь спать, спи.

— О, хорошо. Тогда спокойной ночи, пока-пока! — она помахала рукой.

— Пока-пока? — Лу Чжэ приподнял бровь. — Я разве сказал, что ухожу?

— Тогда? — спросила Гу Саньюй. — Директор собирается остаться у меня?

— Спи давай, не бери в голову, — он слегка щелкнул ее по лбу. — Спи спокойно, я тебя не продам.

— Это такой черный юмор директора? — Гу Саньюй снова зевнула. — Ну ладно, начальник, чувствуйте себя как дома.

В душе не было ни капли страха перед Лу Чжэ. После всего случившегося ей уже было нечего бояться.

Лу Чжэ, заметив, что она закрыла глаза, беззвучно улыбнулся.

Он пошел в ванную, вымыл руки и умылся. Заметив на умывальнике множество баночек и флаконов, а затем вспомнив косметику на туалетном столике, он подумал: какая же она кокетка.

Он вспомнил, как она открыла дверь — взъерошенная, как рассерженный петух, и смущенная своим видом. Она была невероятно мила. Его девчонка осталась такой же притягательной, и, несмотря на годы, ее характер почти не изменился. Это приносило ему облегчение. Хотя разница в возрасте была заметной и, по идее, должна была создавать барьер, но, судя по их последним встречам, он чувствовал, как растет ее доверие. И этого уже было достаточно. Как хорошо, что он решил вернуться — он ведь так боялся, что она будет сидеть одна и плакать в подушку.

Приведя себя в порядок, он оставил телефон заряжаться в гостиной. Он без лишних слов застелил кровать в маленькой спальне — одеяло нашлось в шкафу — и лег спать.

7. Подготовка к отъезду

Когда Гу Саньюй проснулась, Лу Чжэ уже ушел, но на столе ее ждал завтрак.

Она встала и немного походила по комнате — нога почти не беспокоила, а рука, хоть и покрылась синяком, уже не так болела. Умывшись и завтракая тем, что купил Лу Чжэ, она почувствовала странное тепло. Это было похоже на заботу.

Когда-то Гао Чжань был таким же — внимательным и чутким. Но потом, когда страсть улеглась, а на смену ей пришли бытовые заботы, она из нежной и понимающей женщины превратилась в ту, кем стала сейчас. Время сгладило слишком многое. Она верила, что Гао Чжань действительно любил ее — он когда-то беспокоился, если она хмурилась, и радовался ее улыбке, просто эта любовь постепенно выцвела в бесконечной череде серых будней. Она не искала безумной любви на всю жизнь, ей хотелось простого, спокойного счастья, но она не могла смириться с предательством.

Гао Чжань из-за работы часто пропадал. Поначалу ей было очень горько: она часами готовила ужин, который остывал в ожидании его, и ее сердце остывало вместе с едой. Раз, другой — она терпела, но потом начала ссориться и скандалить, а в ответ получала лишь хлопанье дверью.

Позже она привыкла. Если Гао Чжань изредка приходил вовремя, она была счастлива. Именно с того времени она приказала себе быть понимающей, перестала устраивать сцены, тихо заботилась о доме и о нем, думая, что так и выглядит жизнь.

А история с Хань Яньшэн стала для нее холодным душем.

Она все думала, в чем была ошибка. Может, в том, что она перестала скандалить и начала вести тихую жизнь, а Гао Чжаню стало скучно? Но ведь он сам этого хотел!

Смешные люди: раньше ссоры были ошибкой, потом отсутствие ссор — тоже ошибка.

Гу Саньюй потрясла головой, убрала посуду и вышла из дома.

В офисе коллега Сяо Ли помахала ей рукой:

— Саньюй, ты видела внутреннее сообщение? Тебя отправляют на курсы повышения квалификации!

Увидев ее, еще двое коллег подошли поздравить.

Чжао Пин была самой старшей из них, ей было за сорок. Хоть она и казалась немного старомодной, но в работе ей не было равных. Вспомнив, что начальник отдела упоминал, как Чжао Пин настаивала на ее кандидатуре, Гу Саньюй прониклась благодарностью.

Чжао Пин улыбнулась:

— Саньуй, используй этот шанс, учись как следует, не подведи нас.

— Обязательно, спасибо вам, сестра Чжао, — скромно ответила Гу Саньуй. — На самом деле, если судить по выслуге лет, я бы и не подошла — работаю всего два года. Мне даже немного неловко.

Сяо Ли, самая бойкая из них, похлопала ее по плечу:

— В нашем отделе, кроме сестры Чжао, ты самая способная. Нам еще нужно у тебя учиться.

Сяо Ян, стажер, пришедший в прошлом месяце, кивнул:

— Да, сестра Саньуй, не скромничайте. В нашем финансовом отделе всего четыре человека, раз уж начальник выбрал вас, езжайте и учитесь. Только не забудьте привезти подарки!

— Думаешь только о подарках, — рассмеялась Сяо Ли. — Человек еще не уехал, а ты уже о гостинцах мечтаешь.

— Ого, с утра пораньше совещание? — Ду Лицзюань из соседнего отдела кассы, проходя мимо, заглянула к ним, чтобы тоже поучаствовать в обсуждении: — Дайте-ка послушаю, о чем речь?

— Да вот, о повышении квалификации, — Чжао Пин указала на Саньуй. — Наконец-то для нашего отдела выделили место, начальник отправляет Саньуй.

Взгляд Ду Лицзюань изменился, но она с улыбкой произнесла:

— Ну тогда поздравляю, Саньуй. Молодец! Всего два года отработала, а такая удача. Нам остается только завидовать.

Сяо Ли и Сяо Ян, услышав язвительный тон, притихли, но Чжао Пин ответила:

— Ну что ты, Саньуй хоть и работает всего два года, но она очень старательная и ответственная. Учиться должны молодые, а мне, если что расскажут, я уже и не запомню, куда уж там учиться.

Ду Лицзюань рассмеялась:

— Сестра Чжао, вы слишком скромничаете.

Повернувшись к Гу Саньуй, она добавила:

— Поздравляю тебя, Саньуй. Учись там хорошо, ты ведь представляешь всю нашу больницу уезда Е, не посрами нас.

Гу Саньюй кивнула:

— Конечно, сестра Ду, не волнуйтесь.

Ду Лицзюань с фальшивой улыбкой вышла.

Коллеги переглянулись.

Работа есть работа: чем больше людей, тем больше сплетен. Есть те, кто тебя любит, и те, кто смотрит косо.

В финансовом отделе, где работала Гу Саньюй, было двадцать девять человек, не считая двух десятков кассиров внизу. Она и Чжао Пин отвечали за отчетность, Сяо Ли училась, а Сяо Ян помогал. В соседнем отделе кассы работали еще трое. Начальник сидела в своем кабинете, и обычно отделы не ходили друг к другу в гости. Ду Лицзюань, которая бегала в банк, была мастером плести интриги и всегда заискивала перед начальством. Кто знает, что она теперь будет нашептывать в соседнем кабинете про Гу Саньюй.

К счастью, в их отделе царил единство, и пока они держались вместе, работа спорилась.

Когда Ду Лицзюань ушла, Сяо Ли скривила губы и спросила:

— Кажется, ты уезжаешь в понедельник? Вещи собрала? Может, возьмешь отгул, чтобы подготовиться?

— Не стоит, у меня почти нет вещей, — улыбнулась Гу Саньюй. — Все можно купить на месте, не хочу таскать с собой лишнее.

— Но ты уезжаешь на целых два года. Наверное, муж будет очень скучать, — Сяо Ян, не знавший о разрыве, всегда называл Гао Чжана мужем.

Гу Саньюй не изменилась в лице:

— Возможно.

Каждый занялся своим делом, атмосфера была естественной и слаженной.

— Саньюй, — в дверях появилась начальница, — через десять минут совещание, принеси мне квартальный отчет.

— Хорошо, — кивнула Гу Саньюй, достала из архива отчет и пошла следом.

В зале совещаний сидело руководство больницы. В центре — главврач, по бокам — два его заместителя. Лу Чжэ, увидев вошедшую Гу Саньюй, лишь мельком взглянул на нее и снова уткнулся в документы.

— Саньюй, это таблицы, которые я подготовила, раздай их руководству, — начальница протянула ей стопку бумаг.

Гу Саньюй раздавала их по очереди. Когда она дошла до Лу Чжэ, тот повернул голову, взглянул на нее и тихо сказал: спасибо.

Совещание затянулось на все утро. В обед они заказали еду в офис, а после сразу вернулись к работе — конец месяца, нужно срочно сдать отчеты.

Вечером после работы Чжао Пин предложила пойти поужинать в честь проводов Саньюй. Гу Саньюй хотела заплатить сама, но Чжао Пин настояла, что платит она, и спорить было бесполезно.

Они пошли вчетвером в новый музыкальный ресторан.

Там можно было не только поесть, но и попеть.

За ужином они выпили немного красного вина. Чжао Пин была молчалива, она внимательно слушала их болтовню.

Они чокнулись бокалами. Сяо Ян, уплетая еду за обе щеки, сказал:

— Сестра Саньюй, уедете в Наньлинь — не забывайте нас! Связывайтесь почаще, а то ведь забудем друг друга.

Гу Саньюй улыбнулась:

— Если буду свободна, будем общаться в чате. Как можно так быстро забыть друг друга? Я ведь не бессердечная.

<http://bllate.org/book/22294/2334572>